

ИСТОРИЯ ВЕКА — ИСТОРИЯ СУДЕБ

ПОСЛЕСЛОВИЕ
К ГАСТРОЛЯМ
ТЕАТРА ИМЕНИ
В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ.

Пауза усугубила напряжение. Растрепанный человек в царских одеждах прямо задыхался от сознания собственного бессилия. «Я царь или не царь?» — голос звенит на высокой ноте, жестки опускается до подхрипа, и почти физически ощущаешь страдания больного, надлежавшего неограниченной власти и от этого беспомощного вдвойне. Кажется, сейчас он бросится на Годунова, выгонит и возьмет на себя право решения, но это только кажется.

Через минуту он весь измечтается, обмякнет, станет жалким. Улыбавшись от Бориса, что он — царь, заискивающе скажет жене: «Ты слышала, Аринопля, он согласился, что я царь...» Потом утрет мокрое от напряжения лицо и делая угрожающим тоном, уже так, порядка рядя, обронит: «То-то и оно; смотри у меня...»

Очень тонко проводит В. Особин сцену, после которой нам, зрителям, станет больно за этого слабого, измученного своей слабостью правителя. История сухих фактов и цифр отступит перед чисто человеческими проблемами. Мы будем следить за развитием их судеб, за столкновениями характеров и уже отсюда — за решением проблем. Может, это и есть главное, когда по всех событиях вначале видишь человека и через его судьбу понимаешь историю. Именно понимаешь и еще — чувствуешь, потому что звать можно и из учебников.

— История меня не интересовала, — говорит режиссер-постановщик трилогии, народный арт. РСФСР, заслуженный деятель искусств Грузинской ССР, профессор Р. С. Агамирзян, — она меня интересовала постольку, поскольку есть определенная историческая схема.

У Алексея Толстого есть как бы предсловие, где он, обращаясь к желающим поставить его пьесы, сам говорит, что они историчны только в общих чертах. Это поэтические произведения, в которых исторические события иногда смещены, иногда сфокусированы, иногда просто равнены по времени — в зависимости от тех художественно-психологических задач, которые автор ставил.

В 1898 году Московский Художественный театр открылся «Царем Федором Иоанновичем». Там вскакивали подлинную утварь, элементы подлинных костюмов, и зрители были поражены удивительной исторической достоверностью всего того, что показывал на сцене.

— Сейчас, — продолжает Рубен Сергеевич, — такого рода способ подачи материала стал достоянием даже оперы.

Мы могли бы поразить зрителя тем, что события, исторически отнесенные от нас на триста лет и, казалось бы, нам уже абсолютно чуждые и безразличные, вдруг обретают для нас человеческую близость в психологической борьбе людей, где идет современность. Поэтому мы избрали совершенно иной путь — не археологического изыскания, а форму исторической гравюры, что ли, напоминающей русский костюм, русскую утварь, но ею на самом деле не являющейся. Я бы сказал так: хоть у нас принято ругаться словом «стилизация», тем вот это все же историческая стилизация.

Мы отвесили к пьесам Толстого так, как если бы их написал Шекспир или, скажем, Брехт. Мы пытались взять из нее социальную борьбу, столкновение человеческих характеров, конфликты социальные и психологические, а исто-

рическими они являются востолку, поскольку в них действуют исторические персонажи, существуют исторические ситуации, на которые пьеса, в основном, опирается. Водить на такие спектакли школьников учить историю вряд ли есть смысл. Во всяком случае, только за этим.

Естественно, для актеров постановка трилогии была делом нелегким, им очень нужны знания истории, и в период работы доктор исторических наук Р. Г. Скрынников прочел цикл лекций по эпохе. Он автор книг и об Иване Грозном, и о Борисе Годунове, и о «Смутном времени». Он рассказывал нам, как все это было на самом деле. После чего стало понятным, почему автор пьес так или иначе некоторые факты обогнал, а другие поставил в центр.

Это, конечно, была большая школа для актеров и для меня. Мы стали первым русским театром, на сцене которого идут все три части, но это как бы один целый спектакль, вмещающий сквозное действие и единую задачу. Спектакль построен на трагедии возвышения и падения Бориса Годунова, но каждая часть представляет из себя как бы отдельную, локальную притчу.

Мы долго работали с хором, поэтому в музыкальный ход и пластический в достаточной степени основан на знании истории. Можно даже сказать, что после постановки этой трилогии я — специалист по первому десятилетию XVII века в России. Я читал все, что написано по этому поводу у Соловьева, у Костомарова, у Ключевского и у Карамзина, и у Скрынникова, даже летопись, но это только материал, который преобразуется в политическую драму. Повторю, прямого историзма в спектаклях нет. И я, грешным делом, считаю, что и в этом их сила.

Спектакли сыграны, и теперь хабаровчане имеют возможность сами оденуть большую работу театра. Может, им поможет в этом сегодняшний рассказ режиссера.

Н. ТВЕРДОХЛЕБОВА.

На снимках: сцены из спектаклей.
Фото автора.